

ГЛАВА 1

Предполагалось, что весна уже наступила. Но этого не чувствовалось. Во всяком случае, если стоять на новехонькой Нессельроде-плаза. На открытом пространстве площади задувал сильный, пронизывающий ветер. Но никто не удивлялся. Ведь это Чикаго, Город ветров. Не было смысла удивляться, раз уж название ему подходило.

Но ветер действительно был холодным. Сама площадь находилась на расстоянии в полквартила от озера, так что ветер дул прямо из Канады и по пути от Северного полярного круга над озером Мичиган успевал потерять тепло и набраться силы.

Большинство людей, чтобы укрыться от ветра, вжали бы голову в плечи и поспешили бы скорее пересечь обширное открытое пространство. У небольшой толпы, собравшейся здесь на арктическом утреннем воздухе, такой возможности не было. Поэтому люди сгрудились вокруг пьедестала гигантского памятника, стоявшего в центре площади. Совершенно новый монумент, пока затяну-

тый покрывалом, ожидал торжественного открытия. И стоящие здесь люди, притопывая ногами и съезжившись под ветром, всем сердцем желали, чтобы памятник наконец открыли и они смогли бы отправиться в теплое место.

Разумеется, лишь немногие пришли сюда по собственной воле. В основном это были репортеры и общественные деятели, которым и надлежало здесь быть. Предполагалось, что новая Нессельроде-плаза станет краеугольным камнем для оживления этого прибрежного района. Присутствовала красивая женщина пятидесяти с лишним лет, член конгресса США. Рядом с ней стояли седой афроамериканец, сенатор штата, и пожилой мужчина, так укутанный от холода, что его трудно было узнать, но это был известный федеральный судья. Был там и высокий мужчина сурового вида с аккуратной бородкой, не скрывавшей большого шрама на щеке, одетый в форму адмирала Береговой охраны.

И конечно, там находился Артур Нессельроде, миллиардер, пожертвовавший деньги на памятник и давший площади ее название. Следовательно, здесь присутствовал и мэр, который должен произнести соответствующую случаю речь. И эта речь преисполнит Артура Нессельроде сознанием собственной значимости и подстегнет в нем желание и в будущем продолжать выписывать чеки на крупные суммы. А это означало, что речь будет длинной.

По периметру маленькой дрожащей толпы перемещались двое вооруженных охранников, нанятых потому, что дорогостоящая статуя была выполнена по проекту знаменитого современного скульптора. Ходили слухи, что статую хочет заполучить некий владелец фармацевтической компании, и мэр всерьез воспринимал эти слухи.

В отличие от охранников.

— Никто не сопрет эту хреновину, — заметил Денни Керколди своему напарнику Биллу Гриру, указывая на основание памятника. — Взгляни, его удерживают двенадцать болтов толщиной с мою руку, и весит он, наверное, тонн десять.

— Двенадцать с половиной, — отозвался Грир, и Керколди с удивлением взглянул на него, а Грир дернул плечами. — Это было в газете.

— Ну ладно, двенадцать с половиной тонн. Тонн, верно? Кто может украсть штуковину, которая весит двенадцать с половиной тонн? Это чертовски глупо!

Грир покачал головой:

— Нам платят, пусть это и глупо.

— Нам должны доплачивать за глупость, — заметил Керколди, — когда так адски холодно.

— Не так уж и холодно, — пожал плечами Грир.

Но на самом деле было холодно, и от влажного ветра с озера становилось еще холоднее. По мере того как речь мэра лилась и лилась, люди, вынужденные выслушивать похвалы, которыми он осыпал Артура Нессельроде, коченели все больше. Те, кто знал Нессельроде или слышал о нем, пре-

красно понимали, что он не слишком-то достоин похвалы. Он сделал свои миллиарды как владелец и генеральный директор «Нессельроде фармасьютиклс». Его компания владела патентами на целый ряд важных лекарств, самым значительным из которых являлся занаген, наиболее эффективный препарат генной терапии для лечения ряда сложных и прежде летальных форм рака.

Занаген был действительно чудодейственным препаратом, и мэр уделил ему в своей речи большое внимание. Но, будучи политиком, мэр весьма мудро опустил тот факт, что Артур Нессельроде установил цену на это чудесное лекарство в размере полумиллиона долларов за дозу. Никакая критика в прессе, призывы врачей или даже неодобрение конгресса США не смогли поколебать его решимость удержать эту фантастически взвинченную цену.

Нессельроде стал миллиардером не благодаря доброте и милосердию. Любой, имевший несчастье встретиться с ним, мог бы с готовностью признать, что это неприятный человек. Некоторые даже видели в нем социопата, которому неведомы чувства вины или стыда. Однако Нессельроде понимал, что общественное мнение может влиять на стоимость акций. И сегодня он пришел сюда, чтобы укрепить свой имидж, подарив городу Чикаго громадную стальную статую стоимостью пятьдесят миллионов долларов и вложив еще несколько миллионов в обустройство площади, носящей его имя.

Нессельроде давно перестал считать деньги. Он мог бы тратить такую сумму ежедневно в течение месяца, и все равно осталось бы несколько миллиардов. И как большинство чрезвычайно богатых людей, Артур Нессельроде считал себя застрахованным от обычных «пращей и стрел» жизни. Однако богатство не могло в данный момент защитить его от холода. Нессельроде замерз, и это ему не нравилось. Но в конце концов, мэр нахваливал его, и смешно было бы прерывать говорившего.

— Господи, взгляни туда! — Керколди указал на небо над озером, где кружил огромный вертолет. — Какая громадина!

Грир поднял взгляд.

— «Чинук», — определил он, и напарник уставился на него. — Я обслуживал их в Корпусе морской пехоты, — объяснил Грир. — Они поднимают семнадцать тонн. Плюс экипаж.

— Надеюсь, этот монстр сюда не полетит, у нас тут хватает ветра, — сказал Керколди, и охранники возобновили обход памятника.

А мэр продолжал свою речь. Он говорил уже больше десяти минут и, похоже, не собирался закругляться. Артур Нессельроде в седьмой раз глянул на часы. Даже похвалы в свой адрес начали его утомлять. Ему сказали, что церемония будет краткой: небольшая речь, после чего мэр вручит ему электронный блок с тумблером. Затем Нессельроде скажет несколько ответных слов, щелкнет тумблером — и покрывало соскользнет с па-

мятника, у пьедестала забьет фонтан, и все смогут вернуться к себе на работу. Нессельроде хотел вернуться к работе. В настоящее время он работал над враждебным поглощением одной французской компании, достигшей многообещающих результатов в разработке нового синтетического инсулина.

И черт побери, было действительно холодно! Нессельроде был одет не по погоде, и ему это не нравилось. Он не привык испытывать дискомфорт даже из-за погоды. И потому, когда хвалебная речь мэра, которую даже сам миллиардер считал полной чушью, перевалила за пятнадцать минут, он решил действовать.

Когда мэр сделал паузу, чтобы перевести дух, Нессельроде вышел вперед. С уверенностью, присущей лишь миллиардерам, он положил руку на плечо мэра и немного отодвинул того в сторону. Взяв микрофон, он произнес с широкой, невероятно фальшивой улыбкой:

— Благодарю вас, господин мэр, вы так любезны. И от имени «Нессельроде фармасьютиклс», этого настоящего дома чудес, я хотел бы сказать вам и жителям Чикаго, что для меня большая честь и привилегия иметь возможность подарить вам это замечательное произведение искусства. Итак, — он поднял с пьедестала большой электронный блок, — сим я торжественно открываю... Нессельроде-плаза!

Он поднял коробку высоко над головой и щелкнул тумблером.

В тот же момент произошло несколько впечатляющих событий.

Из электронного блока вырвалась яркая вспышка голубого света, сопровождаемая оглушительным треском, и Артур Нессельроде рухнул на землю и остался лежать без движения у пьедестала. От его почерневших ладоней поднимался дымок. Вслед за этим вокруг основания статуи немедленно последовали один за другим двенадцать резких быстрых взрывов. И пока люди недоуменно мигали, вперед выступил адмирал Береговой охраны, выкрикивая команды:

— Расступитесь! Освободите для него место!

Он опустился на колени рядом с Артуром Нессельроде.

— Господи, что случилось? — спросил мэр, тоже вставший на колени.

— Электрошок. От электронного блока, — ответил адмирал, нащупывая пульс пострадавшего. — Этому человеку нужна срочная медицинская помощь! — Достав из кармана рацию, он быстро заговорил в нее. Потом, вновь переключив внимание на Нессельроде, принялся делать ему искусственное дыхание. — Ладно, сейчас к берегу подлетает мой вертолет, — сообщил он мэру. — Мы доставим его по воздуху в больницу.

— Угу, — поддакнул мэр. — Вы не думаете, мы могли бы...

— Перестаньте! — огрызнулся адмирал, с силой надавливая на грудь Нессельроде. — Мне нужно, чтобы вы засекали время! Начинайте считать!

И мэр, видевший демонстрацию сердечно-легочной реанимации по телевизору, взглянул на часы и принялся громко считать.

— Что произошло, черт подери?! — возмущенно спросил Керколди. — Что это были за взрывы?

Грир покачал головой:

— Вокруг основания статуи.

Охранники поспешили туда, и Грир встал на колени, чтобы рассмотреть одно место, которое продолжало дымиться после серии взрывов.

— Болт здесь срезан, — сказал он. — Все болты!

— Черт! — не удержался Керколди. — Эта штуковина может рухнуть и придавить кого-нибудь! — Нахмурившись, он взглянул на напарника. — Зачем кому-то понадобилось...

Грир поднялся:

— Террористы. Надо бы доложить мэру.

Керколди кивнул:

— Ты сообщи ему, а я отодвину толпу.

У подножия статуи адмирал Береговой охраны продолжал давить на грудь Нессельроде, а мэр в это время считал.

— Появился пульс, — сообщил адмирал и поднял взгляд. — А вот и мой вертолет.

Он встал и помахал вертолету.

Создавая мощное завихрение воздуха, над памятником завис «Чинук», из которого спустили спасательную люльку.

— Разойтись! — завопил адмирал. — Господин мэр, вы должны удалить всех этих людей.

Кивнув, мэр стал настойчиво оттеснять собравшихся подальше от пьедестала. Он остался последним на ступенях и, повернувшись, успел увидеть, как Нессельроде в спасательной люльке поднимают в воздух...

...а второй толстый стальной трос с большим металлическим крюком на конце, разматываясь, опускается вниз, прямо в принимающие руки адмирала. Нахмурившись, мэр задержался на верхней ступеньке. Какого черта?!

Замешательство мэра усилилось еще больше, когда адмирал схватил этот трос, подошел к передней части пьедестала, а потом метнулся к статуе. Но смущение мэра переросло в тревогу, когда адмирал, взгромоздившись на статую, несколько раз обмотал ее тросом, зацепил крюком за трос и, проворно взобравшись наверх, исчез в боковой двери вертолета.

— Господи Иисусе! — проронил ошарашенный мэр. Стоя в оцепенении, он смотрел, как мощный «Чинук» поднимается в небо, увлекая за собой статую. Рядом с мэром возник один из охранников и стал целиться в вертолет из пистолета, но мэр хлопнул его по руке. — Там мистер Нессельроде!

Охранник опустил оружие.

Они стояли, наблюдая, как вертолет все дальше удаляется от берега, а под ним болтается но-

вехонькая статуя стоимостью пятьдесят миллионов долларов.

А в вертолете летит Артур Нессельроде, генеральный директор биг фармы¹.

Артур Нессельроде медленно приходил в себя, не имея понятия, где находится и что вообще происходит. Все тело у него болело, но особенно грудь. Было такое ощущение, что его избили. Под собой он чувствовал твердую и холодную поверхность, сотрясающуюся от вибраций, исходящих от какого-то мощного двигателя.

Ценой невероятных усилий ему в конце концов удалось открыть глаза. Над ним склонилось лицо незнакомого мужчины. Нессельроде нахмурился, пытаясь сфокусироваться. На мужчине была военная форма — адмирал, стоявший за спиной мэра? Но в этом не было никакого смысла...

— Вы на борту вертолета, — сказал адмирал и, протянув руку, отодвинул дверь. Мгновенно их обдало струей ледяного воздуха. — Видите?

Стало страшно некомфортно, но Нессельроде немного ожил. Заморгав, он облизнул губы.

— Спасательная люлька... — с трудом проскрежетал он.

Адмирал улыбнулся, но его улыбка не обнадеживала.

— Не совсем.

¹ *Биг фарма* — это группа транснациональных компаний, производителей фармацевтической продукции, чей годовой доход превышает 3 миллиарда долларов. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Нессельроде покачал головой. Голова болела.

— Тогда... зачем?

— Страховка, — ответил адмирал. — Чтобы меня не стреляли.

Нессельроде снова закрыл глаза. В этом нет никакого смысла. Только если...

Он опять открыл глаза.

— Скажите-ка еще раз, сколько вы берете за одну дозу занагена? — спросил адмирал.

— Это... — прокаркал Нессельроде и нахмурился. — Вы... вы не...

— Угадали! — подхватил мужчина. — На самом деле я не адмирал!

Нессельроде попытался сесть, но обнаружил, что его руки и ноги обмотаны скотчем. Последний кусочек пазла встал на место. Разумеется, его похитили.

— Я заплачу, — прохрипел он, но мужчина в форме адмирала не ответил. — У меня... есть деньги. Много денег, — добавил Нессельроде.

— Хватит, чтобы купить все, что пожелаешь?

— Да, — ответил Нессельроде.

— Ух ты! — Адмирал грубо схватил Нессельроде и усадил его в дверной проем вертолета. Далеко внизу поблескивало озеро Мичиган. — Можешь купить большую роскошную яхту?

— Да, — промямлил Нессельроде.

— Ну вот, — заметил адмирал, — сейчас самое время.

Он вытолкнул Артура Нессельроде из вертолета и, наклонившись вперед, смотрел вниз, пока

не увидел далеко внизу, на ледяных водах озера Мичиган, крошечный всплеск.

— Мерзавец, — проронил адмирал и задвинул дверь.

Я смотрел, как подручные моего покупателя укрепляют статую на платформе гигантского полуприцепа. Даже по их виду можно было понять, что это бандиты. Но они все делали правильно, поэтому я просто стоял и ждал.

Когда они закончили, старший из двоих мужчин достал сотовый, позвонил и, кивнув, подошел ко мне:

— Он послал. Электронный перевод. Только что.

Я достал телефон и проверил свой банковский счет. Действительно, депозит был переведен. Вся сумма, в чем никогда нельзя быть уверенным. Я хочу сказать: если человек богат, как этот чувак, то не обходится без заметных изъянов в морали. Посмотрите на меня.

— Уплачено полностью, — с обиженным видом заметил бандит. — Он так *сказал!*

— Разумеется, — согласился я. — Минуточку, — добавил я, вынимая маленький черный электронный блок управления и нажимая на тумблер.

— Что это такое? — нахмурившись, спросил мужик.

— Бомба. Я только что отключил ее.

Он покачал головой:

— Какая бомба?

— Та, что внутри статуи, — с широкой лучезарной улыбкой на лице ответил я.

Он вытаращил на меня глаза:

— Внутри статуи есть бомба?

Вопрос прозвучал немного по-дурацки.

— Не сомневайтесь, но проверьте. Хорошего дня!

Не дожидаясь того, что он скажет на этот счет, я сел в машину и уехал, разбогатев на пятьдесят миллионов долларов.

Но не став счастливее. По сути дела, мне было противно, я злился и дергался. Пятьдесят миллионов причин чувствовать себя прекрасно, но этого не было. Конечно, деньги — хорошая штука. И все прошло без сучка без задоринки, как я планировал. Казалось бы, улыбайся и пой веселые песни. Но я продолжал поглядывать в зеркало заднего вида и брюзжать. Почему?

Потому что. Все прошло слишком легко, а я терпеть этого не могу.

Не могу объяснить почему. Если все получается слишком легко, мне всегда кажется, что это ловушка, или что я совершил какую-то глупую ошибку, или... черт, не знаю! Просто не люблю, когда все так легко. Несмотря на сегодняшний холод, это была прогулка по чертову парку в летний день. Дело было сделано, я получил деньги, но мои нервы вибрировали, словно по ним били тупым мачете. В подобных случаях мама говорила: «Кто-то ходит по моей могиле». И прямо сейчас

у меня было такое чувство, будто меня топчут все участники бостонского марафона.

Обычно я легко справлялся с подобным чувством. Но на сей раз оно не проходило. Я ехал с полчаса, размышляя о том, почему это так. Ничего не приходило на ум. Включив радио, я нашел песню «Once in a Lifetime» группы *Talking Heads*, которая мне очень нравилась. Однако на душе стало еще противнее, словно кто-то подкушает меня, чтобы ободрить.

Я остановился в заранее выбранном месте, чтобы сменить машину и переодеться. Это было пустынное место на проселочной дороге, надежно спрятанное за деревьями. Я и выбрал его, потому что оно было совершенно изолированным. Меня ждал здесь другой автомобиль вместе с одеждой на смену. Я отклеил от лица фальшивый шрам и снял адмиральскую форму, бросив ее на заднее сиденье машины, на которой приехал. Туда отправились также борода, шляпа, ботинки на платформе высотой четыре дюйма. Из сумки, находившейся в багажнике другой машины, я извлек банку с термитной смесью и высыпал ее содержимое на все свои вещи в первой машине.

Потом я переоделся в темно-серый костюм и коричневые оксфорды. Сшитая на заказ рубашка, шелковый галстук, золотые запонки и наручные часы «Мовадо Музеум». Поверх термитной смеси я бросил маленькую коробочку, затем сел в новую машину и вырулил на дорогу. Отъехав на полмили, я услышал за спиной приглушенное

«бумм». В зеркале заднего вида я увидел, как над деревьями полыхнуло яркое сияние, и на несколько минут ощутил удовлетворение, чуть ли не счастье. Это пламя являло собой реальное завершение дела. Оно уничтожало последнюю связь с адмиралом и парнем, продавшим статую бандитам. Это был единственный способ достичь успеха. В каждом деле я добиваюсь того, чтобы никто — *никто* — не знал, как я выгляжу.

Начиная с личин, которые я надеваю на себя для дела. Итак, термитная смесь, взрыв первой прокатной машины и все такое. К тому времени как я выеду на I-94, не останется никаких следов. Ни единой зацепки, которую можно связать с тем, кто украл статую. И что более важно, никаких микроскопических следов моей ДНК. Не стоило даже проверять. Я проделывал это достаточно часто. Идентичность была полностью уничтожена, остался лишь пепел... Черт побери, это тоже было легко! Мне снова стало тошно, и я запаниковал.

Я поехал обратно в Чикаго. Нашел радиостанцию, передающую отличные старые песни. *Lovin' Spoonful*, Пол Ревир и даже *Nightcrawlers*. Реально хорошая фоновая музыка. Она помогла мне думать. К тому времени как я добрался до «Виндзора», дома престарелых с длительным уходом, я сообразил, почему чувствовал себя паршиво. Дело в том, что последнее время мне *все* давалось слишком легко. За что бы я ни брался, все отлично получалось с первого раза. Я слишком хорош, черт